яко аз раб твои и сын рабы твоя (*Ч, VIII, IX*)". В списках „Слова", сохранившихся до нашего времени, никаких следов этих параграфов нет. Но, быть может, они были в протографе списков „Слова" хотя бы с упоминанием имени другого князя и выпали при первом пропуске, допущенном переписчиком? Но то обстоятельство, что переписчик, заметив свою ошибку, тщательно восстанавливал весь пропущенный текст, внушает нам уверенность в том, что в протографе списков „Слова" в этом месте не было упоминания ни о каком князе, так как переписчик при проверке текста не упустил бы этого упоминания. Таким образом, наличие этого упоминания в списках второй редакции — не черта оригинала сочинения Даниила, а результат работы редактора „Моления". „Слово" же знает только „сына великаго князя Владимера".

То, что указанные два параграфа „Моления" вставлены в первоначальный текст рукой редактора „Моления", изобличается и контекстом памятника. Мы уже видели на нескольких примерах, что редактор „Моления", часто не понимая текста своего источника, стремился осмыслить не понятое им и давал неверное толкование его. Нечто подобное он допустил и в данном случае. Прочтя конец введения и не поняв его, он формально противопоставил заключительным словам введения: „не сут речи, ни словеса, их же не слышатся гласи их", свою формулировку: „Мы же не умолчим, но возглаголем к господину своему всемилостивому князю Ярославу Всеволодичю". Дальше же идет самое обращение к князю: „Княже мои, господине! Помяни мя во княжении своем, яко аз раб твой и сын рабы твоя". О том, что это вставка редактора „Моления", свидетельствует и необычное для автора „Слова" местоимение „мы": „Мы же не умолчим".

Вся совокупность этих данных, даже без сравнительного изучения разночтений первой и второй редакций сочинения Даниила, говорит о старшинстве первой редакции. Утверждение В. М. Гуссова и ряда других ученых, что вторая редакция сочинения Даниила является на самом деле первоначальной, а так называемая первая представляет уже ее переделку, окончательно должно быть признано неверным.

Но кого имеет в виду автор „Слова", говоря о „сыне великаго князя Владимера"? Нет необходимости останавливаться на истории этого вопроса. Она неоднократно излагалась в научной литературе. Нет необходимости и в подробной критической оценке аргументации, привлекавшейся теми или иными учеными в пользу различных претендентов на роль „сына великаго князя Владимера". Следует прежде всего вчитаться в текст самого произведения.

Есть в тексте „Слова" и „Моления" место, смущавшее и продолжающее смущать ученых, так как комментирование его крайне затруднено. Оно-то мне и представляется ключевым при решении вопроса о том, кого имел в виду автор „Слова", говоря о „сыне великаго князя Владимера", и при определении времени возникновения памятника.

С большим удовлетворением дважды отметил М. Н. Тихомиров отсутствие в опубликованном им „Написании" ссылки на князя Ростислава, столь сбивавшей исследователей. Действительно, без нее легче видеть в „сыне великаго князя Владимера" Ярослава Владимировича, сына Владимира Мстиславича, правнука Владимира Мономаха. Но „Написание" далеко отстоит от первоначального текста сочинения Даниила, и отсутствие в нем ссылки на Ростислава, — которая, судя по всем сохранившимся спискам памятника, была в его оригинале, — сложного вопроса о Ростиславе не снимает. Автор „Слова", слыхавший Ростислава („Не лгал бо ми Ростислав князь"), не мог бы во времена Яро-